

Валерий МОКИЕНКО:

Афоризмы Владимира Путина достойны целого словаря

АВТОР «БОЛЬШОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ КРЫЛАТЫХ СЛОВ»
ГОТОВ ЗАНЯТЬСЯ ЕГО СОСТАВЛЕНИЕМ

Глава фразеологической комиссии Международного комитета славистов, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ, автор многих научных книг, в том числе и «Большого словаря русских крылатых слов», «Большого словаря русских пословиц и поговорок», «Большого словаря русского жаргона», и многих справочников по культуре русской речи Валерий Мокиенко считает лицемерным поведением тележурналистов, которые «запикают бранные слова в эфире».

«В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с ненормативной лексикой, и представляю, что запрет приведет к ее вытеснению, — наивно, — высказался Валерий Михайлович на панельной дискуссии «Культура русской речи в XXI веке» в рамках VIII Ассамблеи Русского мира, проходившей в конце ноября в Сочи. — Так же наивно, как думать, что Наполеон, дергающий занавески в своей карете, управляет всем миром... — А затем, улыбнувшись, добавил: — Как только русский профессор «по желанию трудящихся» погружается в таинство русской брани, к нему начинаются вопросы, к нему проявляется интерес».

Понятно, что после такого заявления «Вечёрка» не могла пройти мимо и задала вопросы профессору...

— Валерий Михайлович, в последнее время часто слышишь из уст политиков русские пословицы и поговорки. Министр иностранных дел Сергей Лавров заявил, что «Россия не позволит замести под ковер международные договоренности по урегулированию кризиса на Украине», президент Владимир Путин напомнил на заседании Валдайского клуба: «Медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Он хозяин тайги». С чем это связано — с веяниями времени?

— Все очень просто. В советское время каждый руководитель — от больших начальников до бригадиров колхоза — говорил так, как ему приказывали. Хрущев еще позволял себе «кузькину мать», а у Брежнева уже были канцеляризм. Тогда устная речь как инструмент воздействия на читателя, зрителя, слушателя не была востребована. Какой-нибудь передовик производства стоял на телекамере и отчитывался: «Мы с честью выполнили социалистические обязательства» и т. д. А если он не так говорил, его речь вырезали — прямого эфира тогда не было. Теперь же каждый политик, менеджер, преподаватель вуза знает, что многое зависит даже не от того, ЧТО он скажет, а от того, КАК скажет. Отсюда и «медвежья» метафора Путина. Часто журналисты, особенно иностранные, не понимают, что российский президент говорит крылатыми выражениями. Помню, как лет девять назад одна эстонская журналистка даже обиделась на путинское выражение: «Латвия не Пыталовский район получит, а от мертвого осла уши».

— Увы, теперь именно гранты определяют будущее любой книги — даже книги о метафорах президента. Не нам, филологам, гранты нужны, а издателям.

— Ну, не надо было территориальных претензий к России предъявлять...

— Конечно. А я в то время работал в Германии и помню, какой шум подняли немецкие газеты: никто из журналистов не угадал, что это была цитата из Ильфа и Петрова. А Путин ее знал, более того, знал, что цитирование классики повышает его рейтинг.

— То есть можно сказать, что употребление политиками крылатых фраз и выражений напрямую связано с имиджологией, с улучшением своего рейтинга?

— Да. Ведь люди слушают тех, кто говорит понятно, ясно и образно. Помните путинскую фразу о террористах, которых нужно было «мочить в сортире»? С этим была связана ситуация, которую надо было рубить как гордиев узел. И Путин сначала ее разрубил жаргонизмом. А потом последовала реакция народа: «Ну наконец-то во главе государства настоящий мужик оказался!»

— Валерий Михайлович, вы написали «Толковый словарь языка Совдепии»...

— ...да, совместно с Татьяной Никитиной. Это принцип моего семинара, который нам достался от нашего учителя, профессора Бориса Александровича Ларина, он разработал теорию полного словаря. И кстати, любил подшучивать. Как-то (дело было в 1966 году) одной нашей коллеге дал отрывок из словаря на слово, обозначающее гулящую женщину. А это были 16 страниц машинописи со всеми производными словами. И в то время, когда Борис Александрович стал вслух произносить все это, в кабинет открыла дверь уборщица и сразу же в страхе быстро убежала. А потом у моей

коллеги участливо спрашивала: «Шурочка, ну за что он тебя так?» Но некоторые мои коллеги — против брани и считают, что если брань запретить сверху, то никто не будет ругаться. Мне кажется, что это не так. И Борис Александрович, когда мы были в диалектологической экспедиции, просил записывать всё: мы же лингвисты, изучаем любые слова, но это не значит, что мы пропагандируем обценную лексику. Наоборот, мы уверены, что корректное лингвистическое объяснение слов и выражений этой «запретной зоны» поможет образованному человеку избежать их употребления в речи.

— А какое выражение Путина вам, как специалисту, больше всего импонирует?

— То, что Путин сказал в Финляндии, когда отвечал на вопрос о прибытии в Москву экс-агента ЦРУ Сноудена: «Для нас это было полной неожиданностью... Это все равно что поросенка стричь: визгу много, а шерсти мало». Вы бы видели лицо переводчика — оно было растерянное, он не знал, как перевести. Через день весь Интернет обсуждал это. И это теперь уже не германизм, а путинизм — вот так интернационализируется русская речь.

— И вы после этого тоже написали статью «Много визга, мало шерсти»...

— Я, когда услышал, аж подпрыгнул! И пока не докопался, откуда это выражение, не успокоился. Мне это выражение еще и потому нравится, что оно немецкое, а я очень люблю Германию, отсюда и у Владимира Владимировича появился этот германизм. Кстати, целый пласт малого европейского фольклора можно найти в этой фразе.

Оказалось, что на одной картине Питера Брейгеля-старшего на переднем плане есть фрагмент, как один человек стрижет поросенка. Мой немецкий друг профессор Харри Вальтер даже издал сборник пословиц, изображенных на этой картине.

Вы знаете, Владимир Путин — яркая языковая личность. О его дискурсе можно целую книгу написать: он же почти наизусть знает Ильфа и Петрова — все время у него проскальзывают оттуда цитаты, специально этому не научись, это заложено с детства. А недавно и Владимира Маяковского процитировал — «шершавым языком плаката...», да и его собственные афоризмы заслуживают филологического внимания. Но меня удерживает то, что знакомые неправильно поймут и скажут, что я, если бы составил словарь путинизмов, просто-напросто подлизывался бы к власти. А вот мой американский друг профессор Вольфганг Мидер из Вермонтского университета не побоялся таких упреков и написал книгу о дискурсе Обамы.

— Валерий Михайлович, так сделайте такой сборник — откуда что пошло. От читателей отбоя не будет...

— Так ведь журналисты первые напишут, что я подхалимничая перед властью. Хотите деловое предложение? Обратитесь к Владимиру Владимировичу, и если он даст моим аспирантам грант, мы сделаем такую книгу вместе с польским и немецким профессорами и даже на польский и немецкий языки переведем.

Беседовала Людмила КЛУШИНА
Фото автора

Полную версию статьи
вы найдете на нашем сайте
vppress.ru